

Глава 25

Внутри аукционного дома Линь Му наконец-то удалось вздохнуть с облегчением. Избавившись от чрезмерно навязчивых владельцев лавок, он отыскал свое место согласно номерку, полученному при входе.

Аукцион в столице Царства Линъюэ заметно отличался от подпольных торгов на Острове персиковых цветов. Огромный круглый зал был выстроен по всем правилам и мог вместить не менее тысячи человек. Над основным залом кольцом располагались закрытые ложи, предназначенные для именитых гостей, чей статус подтверждался особыми жетонами.

Деревня Шанью

Горные хребты, окутанные дымкой, кольцом сжимали долину, где среди изумрудной зелени журчали чистые воды ручьев.

— Ваше Высочество, вы в порядке?

Тихий, вкрадчивый голос служанки заставил Мо Сюня очнуться от глубокой задумчивости.

Он моргнул, переводя взгляд на девушку:

— А?

Служанка осторожно промокивала платком капли воды на его лбу:

— Ваше Высочество, лекарь будет здесь с минуты на минуту. Я лишь хотела узнать... после того как вы упали в пруд, вы не чувствуете недомогания?

Мо Сюнь снова моргнул, глядя на неё в упор:

— Что?

Девушка поджала губы, на её виске едва заметно запульсировала жилка. Сдерживая раздражение, она повторила:

— Ваше Высочество, вы чувствуете боль? Вам плохо?

Едва она договорила, как Мо Сюнь внезапно расхохотался и принялся восторженно хлопать в ладоши.

Природа наделила его исключительной красотой: кожа юноши была белой и гладкой, точно тончайший фарфор. Разрез нежных миндалевидных глаз с чуть опущенными уголками придавал лицу мечтательное выражение. Из-за падения в воду его густые длинные волосы намокли и теперь липли к щекам, разметавшись по плечам тяжелыми прядями. В этом облике было нечто пугающе прекрасное.

Одет он был тоже по-царски: множество украшений из драгоценных камней и самоцветов при каждом движении издавали мелодичный, чистый перезвон.

Вот только в этой идеальной картине была одна деталь, вносящая сокрушительный разлад — его взгляд. Глаза юноши казались застывшими, лишенными малейшей искры жизни или тени разума.

Служанка, испуганная внезапным приступом смеха, невольно отступила на шаг:

— В-ваше Высочество...

Она звала его еще долго, но Мо Сюнь лишь продолжал смеяться, не обращая на нее внимания. В конце концов, девушка в отчаянии выскочила из покоев.

— Лекарь! Да где же императорский лекарь?! С Его Высочеством... с ним что-то не так!

У дверей покоев мгновенно воцарился хаос. До слуха Мо Сюня донесся чей-то приглушенный шепот:

— Неужели... неужели он лишился рассудка?..

Мо Сюнь снова моргнул, смех его постепенно затих, и он выпрямился, приняв более чинное положение.

Разумеется, он не был сумасшедшим.

«Я просто виртуозно играю роль безумца»

Дело обстояло так: нынешний Мо Сюнь не имел ничего общего с тем принцем, что жил в этом теле раньше. Он был «попаданцем».

Обычный студент театрального вуза из двадцать первого века, чья голова была забита лишь чистыми мечтами и наивной уверенностью в себе, он внезапно оказался внутри романа под названием «Битва за престол». И не просто внутри, а в теле маленького принца, который носил его имя и даже обладал такой же внешностью.

В книге этот персонаж, пользуясь безграничной любовью старого императора, творил невообразимые бесчинства. Сегодня он осыпал бранью наследного принца, завтра избивал молодого маркиза, а послезавтра и вовсе связывал и унижал главного евнуха.

Типичный злодей, предназначенный на убой.

Когда Мо Сюнь читал этот роман, выходки его тезки вызывали у него такое бешенство, что ему хотелось немедленно бежать в полицию и сменить имя. Когда же в финале он увидел, как оригинальный персонаж был жестоко убит объединившимися против него героями, юноша испытал такое облегчение, что даже заказал себе на ужин лишнюю порцию ребрышек.

Кто же знал, что колесо судьбы совершит столь ироничный оборот?

Он сам стал этим маленьким злодеем. И теперь у него оставался ровно год. Как только старый император скончается, за принцем придет сама Смерть.

Мо Сюнь был на грани краха. Умирать в его планы не входило. Завернувшись в одеяло, он просидел в раздумьях целые сутки и в итоге нашел лазейку, дарующую шанс на спасение.

«Я буду притворяться дурачком.

Используя свои актерские навыки, я стану безумцем. Полусумасшедшим, блаженным юношей, не стремящимся к власти и не представляющим угрозы для сильных мира сего. История знала примеры, когда притворная глупость помогала великим мужам избежать гибели. Значит, и я справлюсь»

Чтобы закрепить легенду, он, выбрав момент во время прогулки, инсценировал несчастный случай и рухнул в пруд. А вернувшись, долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку и не позволяя слугам привести себя в порядок. Судя по приглушенному шепоту служанки, план начал приносить первые плоды.

Минут через десять снаружи послышались торопливые шаги. Обернувшись, Мо Сюнь увидел нескольких седобородых старцев с медицинскими сундучками.

— Ваше Высочество, до нас дошли вести, что вы упали в воду. Как вы себя чувствуете? Позвольте старому слуге осмотреть вас...

Заговорившего лекаря звали Чан Няньпин, и шел ему пятьдесят девятый год. Хотя ему и доложили, что принц пробыл в воде лишь мгновение и его тут же выловили, старика прошиб холодный пот. Он был лучшим врачом в Императорской академии, и старый император лично поручил ему заботу о здоровье своего любимца.

Члены императорской семьи были созданиями нежными: они могли подхватить простуду, просто вымыв руки, а уж после купания в ледяном пруду... Если с Мо Сюнем что-то случится, лекарь рисковал поплатиться головой.

Дрожа всем телом, он услышал голос принца:

— Ладно. Подойди.

Голос звучал на удивление бодро — пожалуй, даже здоровее, чем обычно.

Чан Няньпин приблизился и коснулся запястья юноши, проверяя пульс. Тот был ровным, а дыхание — глубоким. С физическим телом проблем не было. Однако врачеватель вспомнил слова служанки, которая со слезами на глазах уверяла, что Его Высочество тронулся умом.

Глубоко вздохнув, Чан Няньпин спросил:

— Ваше Высочество, вас что-нибудь беспокоит?

— Голова, — ответил Мо Сюнь. — Немного болит.

Старец вздрогнул. Обычно принц величал себя не иначе как «Мы» или «Светлейший князь», а тут внезапно перешел на простое «я». Слова служанки начали обретать пугающую достоверность.

Заметив, что собеседник засомневался, Мо Сюнь решил закрепить успех. Он резко вскочил, схватил со стола тяжелое пресс-папье и с силой швырнул его в напольную вазу высотой в человеческий рост. Раздался оглушительный треск, и фарфоровые осколки засыпали пол. Служанки и лекари в ужасе замерли. Чан Няньпин, решив, что у Его Высочества просто очередной приступ дурного настроения, поспешно пал на колени.

— Ваше Высочество, этот ничтожный признает свою вину...

Он уже готов был молить о прощении, но заметил, что Мо Сюнь пронесся мимо него. Оглянувшись, он увидел, как юноша упал на колени и своими белоснежными руками начал подгребать острые осколки вазы, явно намереваясь отправить их в рот.

— ...!!

Чан Няньпин едва не лишился чувств. Шестидесятилетний старик в мгновение ока превратился в чемпиона по бегу и рывком перехватил Мо Сюня.

— Ваше Высочество! Что вы творите?!

— Я ем вкуснятину! — Мо Сюнь, поваленный на пол, даже не обратил внимания на порезы от осколков на ладонях. Он глупо улыбался, пытаясь запихнуть один из черепков в рот лекарю. — Это очень вкусно! Ешь скорее! Скушаешь — и сразу станешь умным-преумным!

Лекари и служанки окружили юношу, наперебой уговаривая и утешая его, пока он наконец не выпустил осколки из рук. Когда его усадили на тахту, Чан Няньпин, глядя на не прекращающего улыбаться принца, уже на восемьдесят процентов был уверен в диагнозе. Однако он не смел делать поспешных выводов. Осторожно приблизившись, он произнес:

— Ваше Высочество, позвольте старому слуге задать вам несколько вопросов?

Мо Сюнь моргнул:

— Спрашивай.

— Ваше Высочество, когда вы упали в пруд, вы не ударились головой?

— Головой? — Юноша коснулся затылка. — Бо-ольно.

— Понимаю... А почему вы решили, что те осколки были едой? Вы действительно хотели их съесть?

— Мне нужно кушать. Если человек не будет кушать, он проголодается.

Слушая эти путаные, лишённые логики ответы, Чан Няньпин задал главный вопрос:

— Ваше Высочество, вы помните, кто вы? Помните, сколько вам лет? Можете ли вы назвать десять имен тех, кого знаете?

— Я — Мо Сюнь. Мне семнадцать лет. А ещё я знаю Маркса, Дэвида Копперфильда, Леонардо, Майкла Джексона, Чарли Чаплина...

Лекари и служанки переглянулись в полном недоумении. Один из младших врачей тихо спросил:

— Вы знаете кого-нибудь из тех, кого назвал Его Высочество?

— Н-нет... Ни единого имени не слышал...

Мо Сюнь, словно не замечая их, продолжал бормотать список странных имен. Под конец он внезапно просиял и, под испуганными взглядами присутствующих, вскочил с ложа.

— Ха-ха-ха-ха!! При росте — отталкивай, при убыли — притягивай! Из трех длинных и одного короткого выбирай самое короткое! Тени на свету не должны быть светлее бликов в тени! Если оба большие — бери большее, если оба маленькие — бери меньшее! Ха-ха-ха-ха!! Хорошо! Очень хорошо! Ньютон — молодец! Яблоко — молодец! Гравитация — это хорошо!

— Что ты сказал?

В комнате, наполненной ароматом благовоний, Чан Няньпин низко склонил голову. Его плечи подрагивали от страха.

— Докладываю Чжанъинню... — Голос лекаря заметно дрожал. — Этот ничтожный утверждает... Маленький принц... он лишился рассудка.

Человек, сидевший к нему спиной, наконец медленно обернулся. Природа одарила его ослепительной красотой: его лицо казалось ликом бессмертного небожителя, спустившегося на землю. Но едва заметная усмешка и холодный блеск в глазах придавали его облику пугающую, непостижимую мрачность.

Это был Чжанъинь — Гу Суйчжи.

— Ты говоришь, он безумен... — Голос Гу Суйчжи не был пронзительным, как у прочих евнухов; он звучал мягко и вкрадчиво. — Ты уверен в этом?

— Несомненно, — ответил Чан Няньпин. — Я лично проводил осмотр. Его Высочество то плачет, то смеется без причины, память его в полном беспорядке. Он даже пытался поесть осколков вазы.

— К тому же, — добавил лекарь, — я слышал, что безумцы часто говорят на языках, неведомых простым смертным.

Вспомнив те «священные писания», которые выкрикивал Мо Сюнь — слова, от которых начинала ныть голова, — Чан Няньпин твердо повторил:

— Нет никаких сомнений! Маленький принц окончательно и бесповоротно сошел с ума!

Юань Чжунъю, скрежеща зубами не менее яростно, чем его пятый брат, в сердцах выпалил:

— Хватит! Я выхожу из игры!

Аукционист одновременно и почувствовал облегчение, и легкое разочарование. Он-то надеялся, что шестой принц сделает еще одну ставку... Наблюдать за грызней двух членов императорской семьи было опасно, но вот столкновение принца с простым прохожим позволяло ему подлить масла в огонь и сорвать куш побольше. Впрочем, благоразумие взяло верх над жадностью. Опасаясь реальных проблем, ведущий поспешно опустил молоток.

Настроение Линь Му было еще более сложным. Ведь он прекрасно понимал: Юань Чжунъю отказался от торгов лишь потому, что...

Линь Му произнес с горькой усмешкой:

— У него водный духовный корень, и он собрался покупать траву стихии огня, да еще и ту, на которой валялся этот невымытый Феникс. Раньше он не считал её грязной, но стоило мне сделать ставку, как он сразу побрезговал.

— И о чем же это говорит? — философски заметил Гу Суйчжи. — Мужчина, который не следит за собой, подобен гнилой капусте.

<http://bllate.org/book/15862/1437542>